

ТАМБОВСКОЕ МОНАШЕСТВО В ГОДЫ ГОНЕНИЙ

О.Ю. Левин

преподаватель Тамбовской духовной семинарии

Аннотация. В статье представлен обзор монашеской жизни в годы советской власти. Автор акцентирует внимание на распространение тайных форм монашества в миру под видом производственных артелей, общин, а также «бродячих монахов», тайных иноков и старцев, «черничек». Именно эти группы людей и отдельные личности, сохранившие в своей жизни Завет Христов, способствовали возрождению Православия в России.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Тамбовская епархия, советская власть, монашество, община, черничество, духовный наставник.

Период, начавшийся после 1917 года в истории Русской Православной Церкви, наверное, наиболее сильно ударил именно по монашеству, так как власти, фактически признавая наличие в советском обществе верующих, отказывались признавать такое явление, как монашество. В советском государстве монахов «де-юре» просто не существовало, даже тогда, когда разрешили открыть несколько монастырей. Монахи были не просто изгоями, как все рядовые верующие, но и преступниками по определению, так как сам факт жительства людей в монашеской общине, по мнению советской власти, являлся контрреволюционным, антисоветским деянием.

В Тамбовской епархии гонения на монашествующих открылись уже при Временном правительстве. Община в с. Терском Козловского уезда была закрыта 12 октября 1917 года по распоряжению Козловского уездного земского комитета¹. Этим распоряжением комитет изъял все имущество общины, которое никоим образом не могло быть обобществлено, так как ранее являлось частной собственностью. Изъятие имущества привело к закрытию общины. Другой факт, бывший в том же 1917 году, – это расправа неких

¹ ГАТО. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 81. Л. 134а.

неизвестных людей с игуменом (он был повешен) и братией (растреляны) Носовского Преображенского монастыря.

После принятия в 1918 году «Декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» все монастыри в бывшей Российской империи прекратили свое официальное существование. В Тамбовской епархии на 1919 год действительно было ликвидировано, по крайней мере, три обители (Трегуляевский мужской монастырь, Терская Казанская женская община и Тамбовский Казанский мужской монастырь). Остальные, так или иначе, продолжали существовать, чаще всего выбрав для себя статус сельскохозяйственной артели или коммуны. Такое положение было экономически выгодно уездным и волостным властям, поскольку «коммуны» и артели были неплохими производителями.

В первые годы после революции новые власти в борьбе с монастырями старались сыграть на тех противоречиях, которые существовали внутри некоторых монастырей еще с дореволюционного времени. Теперь эти противоречия использовались для внутренних провокаций. Так поступили относительно Оржевского Боголюбского Тишениновского женского монастыря, где в результате интриг от настоятельства была отстранена игуменья, а власть перешла к монастырскому «совету»; такой же сценарий разыграли и в Санаксарском мужском монастыре.

Несмотря на гонения, общины таких женских монастырей, как Тамбовский Вознесенский, Прошин, Мамонтовский, Сухотинский и др. — до середины 1920-х годов продолжали под тем или иным видом существовать. Они окончательно были распущены (или разогнаны) в 1926–1927 годах. Здания переданы на разные хозяйственные нужды, церкви закрыты. После 1927 года в истории тамбовского монашества начинается новый период, когда практически все перешли на положение «белого монашества», если этот термин понимать более широко, как монашество без монастырей.

Очевидно, что огромная масса монашествующих не могла бесследно исчезнуть. Она просто растворилась на просторах бывшей Тамбовской губернии. В конце 1920-х годов нам известен только один факт массового ареста монахинь. В бывшем Сухотинском монастыре, ставшем домом для престарелых, проживало несколько

десятков пожилых насельниц, и они даже получали пенсию от государства. По рассказам жителей села, их в одну ночь погрузили на машину и увезли в неизвестном направлении.

Большинство бывших насельников монастырей вернулись в свои села, где участвовали в церковной жизни прихода и прислуживали в храмах. Иеромонахи часто служили в приходских церквях или же искали себе свободный приход за пределами епархии.

В новых условиях, когда приходилось выживать и думать о том, где добыть пропитание, чрезвычайно сложно было соблюдать все монашеские правила. А в условиях начавшейся в 1922 году церковной смуты обновленчества остро встал вопрос и о духовных наставниках, не изменивших Православию. В Кирсанове, Моршанске, Тамбове, с. Старое Устье Моршанского р-на, с. Осиновые Гаи Гавриловского р-на возникло несколько так называемых «обгцинок», состоявших из бывших насельниц Тамбовского Вознесенского, Кирсановского Тихвинского, Прошина, Мамонтова, Никольского Черниева и Оржевского женских монастырей. Обычно монахини в складчину покупали домик, где и проживали по 3–5 человек, кормясь рукоделием и возделыванием огорода. В том же Кирсанове было несколько таких обгцинок, общее руководство которыми осуществляла игуменья Евгения (умерла ок. 1927 г.).

Монашествующие стали самыми стойкими противниками безбожной власти и вели агитацию против нее просто тем, что никак не хотели менять свой образ жизни. Они не приняли обновленчество, большая часть из них отрицательно относилась к колхозам и разным другим мероприятиям советской власти, ведущим к разрушению традиционного уклада крестьянской жизни. В 1920-х годах они занимали активную позицию, выступая в качестве ревнителей православной веры. С 1924 года в губернии верующие стали активно посещать святые источники. Власти сделали вывод, что это «массовый религиозный психоз, подогреваемый скрытой агитацией попов, всяких монашек и прочих лиц»². На таких источниках (в Горелом, Дубовом, Оржевском Варваринском и др.) читали псалтирь, акафисты, участвовали в молебнах, вели проповедь, рассказывали о чудесах чаще всего именно монашествующие.

² ГАТО. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 81. Л. 134а.

В 1927–1929 годы по губернии прокатилась волна так называемых «бабьих бунтов», поводом к которым были попытки властей закрывать храмы или каким-либо образом притеснять духовенство. В ряде случаев представители органов власти одними из «зачинщиков» таких «бунтов» считали именно монахинь, проживающих в селе (как это было с монахинями бывшего Оржевского монастыря Неучевыми, обвиненными в организации беспорядков в с. Скачиха Кирсановского уезда). В конце 1920-х годов немало хлопот органам безопасности доставляли «бродячие монахи». Информационные сводки ОГПУ этого времени полны сведений следующего типа: 1929 г. – «Гражданин с. Пушкири Тамбовского района Мишка Шатер, считает себя монахом. Ходит по селам с Библией, предсказывает конец света, ведет агитацию против коллективизации, провел несколько сборищ»; 1930 г. – «Гражданин с. Лысье Горы по кличке „монах“ ведет агитацию» и прочее³.

С начала 1930-х годов увеличилось количество арестов среди духовенства и верующих. До начала войны были арестованы и приговорены к различным срокам заключения практически все бывшие насельники тамбовских монастырей. После войны вернулись немногие, и всерьез влиять на духовную атмосферу в епархии они уже не могли. Тех, кто действительно прошел монастырский искуc и знал на опыте, что такое монашеский подвиг и, вообще, в чем смысл монашеской жизни, оставалось очень мало.

Архиепископ Лука, назначенный на Тамбовскую кафедру в 1944 году, обнаружил, что духовная жизнь в епархии в полном запустении. Вот как об этом он говорил в своих проповедях: «Огрубело сердце народа сего, и отвращаются от заповедей Христа, и очи свои сомкнули, чтобы не видеть святыни»⁴. По мнению владыки, нужно было бы вернуться к строгим дисциплинарным мерам древней Церкви, ибо «многих из вас надлежит нам страхом спасти, ибо нет у вас собственного страха, ибо расслабление жизни христианской, распущенность нравов среди народа нашего достигли вопиющих размеров»⁵.

³ ГАСПИТО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 181. Л. 9; Д. 19. Л. 239.

⁴ Лука, архиеп. Проповеди. М., 2005. С. 139.

⁵ Там же. С. 256–257.

Но в епархии еще оставались здоровые монашеские силы и были люди, жившие полноценной иноческой жизнью или стремящиеся к такой жизни. Чаще всего такие люди группировались вокруг какой-либо яркой в духовном плане личности, явно отмеченной печатью Божьего избранничества. На юго-востоке области (бывший Кирсановский уезд) таковым был блаженный Костя. Слепой от рождения, смиренный и простой, он обладал даром прозорливости и духовного рассуждения, к нему за советом и духовной помощью шли со всей округи и даже приезжали из других областей. Жил он недалеко от Кирсанова в с. Чутановка, и его руководством пользовались еще проживавшие в то время в городе монахини бывшего Кирсановского Тихвинского монастыря. По воспоминаниям ухаживающих за ним людей, Костя носил вериги, каждый день вычитывал длинное правило, вечерницу и обедницу, молился ночью. Умер он в 1953 или 1954 году.

Младший современник Кости крестьянин Саратовской области Емельян Белан после первого заключения в тюрьму (в 1930-х гг.) переехал на жительство в кирсановские пределы, где, по благословию Кости, стал пасти скот в с. Гусевка. Здесь под руководством монаха отца Антония началась его подвижническая жизнь. После второго заключения, в годы войны, освобожденный от службы в армии, Емельян проживал в землянке вместе с двумя такими же, как он, любителями отшельнической жизни. Вокруг него собралась небольшая община, состоящая в основном из женщин и девиц, пользующихся его духовными наставлениями. Эту группу в 1948 году в полном составе отправили в Караганду в заключение. Для Емельяна это уже был третий срок; вернулся он в 1956 году. Фактически с этого времени Емельян Белан жил в затворе, его ближайшие духовные чада об этом периоде вспоминали: «Когда приехал из лагеря, жил опять скрытно, не хотел прописываться. Емельян жил нелегально, в затворе. Прятался от записей, переписей (...) Одна вдова взяла его к себе. И он жил в нижнем этаже, в землянке»⁶. В 1974 году Емельян принял постриг в Москве, а в 1975 году архимандрит Амвросий (Иванов) постриг его в схиму с именем Енох. Последние годы жизни провел в с. Бондари, где и умер.

⁶ Левин О.Ю., Просветов Р.Ю., Алленов А.Н. Кирсанов православный. М., 1999. С. 122.

В круг общения монаха Еноха входили пользующиеся большим уважением в народе священник Сергей Купорев, отец Петр Ершовский. Отец Сергей служил тайно, опасаясь ареста, и не принимал официальной регистрации.

Еще один очаг «белого монашества» обосновался на северо-востоке области. Административно он охватывал территории Шацкого района Рязанской области и Моршанского района Тамбовской области. В Шацком районе центром притяжения верующих было с. Польное Ялтуново, где проживали сестры Петрины: старшая Анисия, средняя Матрона и младшая Агафья. Воспитанные в строгом благочестии, они были духовными чадами старца Григория Конигина. В годы гонений прошли через лагеря и ссылки, а вернувшись домой, жили в своем родном селе тихо, незаметно. Паспортов не имели, никаких пособий и пенсий от государства не получали, жили своим трудом, обрабатывая огород. Пока были в силах, делали восковые свечи и отправляли их в действующие монастыри. Сами ездили в Печоры, Троице-Сергиеву лавру, Пюхтицы, Одесский Успенский мужской монастырь. До открытия церкви в Шацке верующие собирались у них. Ходили к ним даже священники и служили у них в подполье. Собирались тайно. Такие же собрания проводили и в с. Желанном, и в д. Боголюбовке. Память людская сохранила только имена их сомолитвенников: дядя Саня, дядя Егор, дядя Ваня, тетя Варя.

С открытием церкви в Шацке сестры стали усердно посещать ее. Но по-прежнему собирался народ и у них. Приходили на Пасху, Рождество, Крещение и другие праздники. Пели церковное, читали акафисты и каноны, беседовали на духовные темы. Матери приводили детей, бабушки – внуков. Постепенно образовалось что-то вроде общины, в которой руководительницами были три сестры. Молодых людей настраивали блюсти свое девство, посвятив себя Христу, и таких было немало. Своеобразный монастырь, а видимый знак его – крест над крышей Петринского дома. По слову Евангелия, они были теми светильниками, которые невозможно сокрыть. Свет Христовой веры, горящий в них, просвещал всякого приходящего в общину. Местные жители вспоминали: «Сколько они привели к Богу – не сосчитать. Никто не умел ни читать (по-церковнославянски), ни петь, а сейчас кто

в округе в церквах – все ихние». И это было главное в деятельности подобного рода людей: они сохранили веру предков и смогли донести до нас ее свет.

Большим влиянием и известностью пользовалась другая подвижница послевоенного времени – схимонахиня Серафима (Белоусова), проживавшая в г. Мичуринске. Старица была представительницей монашества нового времени, монашества без монастырей. Она не провела в монастыре ни одного дня и была пострижена тайно. После войны, а особенно в 1960–1970-е годы, тайное монашество было явлением распространенным. У монашествующих были духовные наставники, жившие чаще всего где-то за пределами епархии. Жизнь подобного рода монахов была сложной. В таком положении сохранить здравый, незамутненный ум и чистое сердце, не впасть в то или иное искушение было непросто⁷.

В 1960–1970-е годы в епархии еще проживало несколько официально постриженных монахов, бывших насельников русских обителей. Судьба их по-разному складывалась. Упомянем здесь об одном из них – архимандрите Рафаиле (Брыксине). Он был постриженником Вышенской Успенской пустыни, так сказать, одним из последних ее монахов. Отец Рафаил родился в 1893 году в с. Иноковка Кирсановского уезда в семье крестьянина. Окончил Вышенскую Купленскую второклассную школу. В 1915 году был призван на фронт и вскоре направлен в Харьковский медицинский институт, где окончил фельдшерские курсы. После войны возвратился в Вышенскую пустынь, где в 1920 году был пострижен в монахи, а затем рукоположен в иеродиакона. После закрытия монастыря уехал в Новосибирск, где рукоположен в сан иеромонаха. Затем снова возвратился на родину и служил священником в Калугино, Трескино вплоть до 1937 года, когда переехал в Иваново, а оттуда призван в армию и практически всю войну служил в эвакогоспитале.

Как видим, в жизни отца Рафаила было все: монастырь, служение на приходах, работа в светских лечебных учреждениях. Огромный пастырский опыт, приобретенный им в эту пору, очень пригодился впоследствии, когда, вернувшись на родину и вновь

⁷ Мичуринская подвижница схимонахиня Серафима (Белоусова). Тамбов, 2004. С. 22.

начав служить, он все больше внимания стал уделять духовному руководству простых верующих людей, быстро приобретя славу мудрого старца. Духовных чад его можно было встретить практически по всей епархии. В 1955 году его перевели в другой приход и назначили настоятелем Троицкой церкви с. Бондари. Затем последовали приходы в с. Моршань-Лядовка, Питим, Беляевка и наконец последнее место его служения – с. Александровка Сосновского р-на (он умер в 1976 г.). Везде он пользовался большим духовным авторитетом, отовсюду к нему шли за советом и помощью. И сегодня могилка его на Петропавловском кладбище г. Тамбова очень почитается верующими Тамбовской епархии.

Во многих селах, а в особенности в тех, где не было действующей церкви, были женщины, которых называли «черничками». С 1960-х годов среди них стали преобладать не девицы, а именно вдовы. Но они продолжали выполнять те же функции, что и прежде: собирали верующих по домам в воскресные и праздничные дни, читали псалтирь по усопшим, служили «панифидки». Однако в народе истинными «черничками» почитали тех, кто еще с до-революционного времени встал на этот путь и сохранил девство. К вдовам-черничкам относились как к равным, не всегда признавая их первенство и чаще даже называли не «черничками», а «попадьями» или «молящими».

Истинных «черничек» чтили и уважали, и среди них было действительно множество лиц благочестивой жизни. Так, в с. Богородатка Моршанского района на местном кладбище было отведено специальное место, где хоронили «черничек». И среди них особо чтили Параскеву Люлину, умершую в 1975 году.

Все приведенные факты свидетельствуют, что старые монашеские традиции сохранялись на Тамбовщине вплоть до начала 90-х годов прошлого века, то есть до того времени, пока еще были живы носители этих традиций. После 90-х годов XX века открылась новая эпоха возрождения монашества на Тамбовской земле.